Modernités Russes

К вопросу о немецкой рецепции образа вячеслава иванова

Nina Segal-Rudnik

Citer ce document / Cite this document :

Segal-Rudnik Nina. К вопросу о немецкой рецепции образа вячеслава иванова. In: Modernités Russes, n°14, 2014. L'émigration et l'héritage classique. pp. 89-102;

doi : https://doi.org/10.3406/modru.2014.998;

https://www.persee.fr/doc/modru_0292-0328_2014_num_14_1_998;

Fichier pdf généré le 04/04/2024

К ВОПРОСУ О НЕМЕЦКОЙ РЕЦЕПЦИИ ОБРАЗА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Nina SEGAL (RUDNIK)

Публикуемое ниже письмо Вяч. Иванова к его молодому другу, философу, архитектору, музыканту и переводчику Евсею Давидовичу Шору (1891 – 1974) было недавно обнаружено мною в архиве семьи Шор, хранящемся в Национальной библиотеке Израиля. Это письмо относится к периоду совместной работы над переводом статьи Иванова «О русской идее», опубликованной впервые в 1909 г. в журнале «Золотое руно» и вышедшей на немецком языке, с существенными изменениями и дополнениями, в 1930 г. в Тюбингене, в издательстве J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). Письмо Иванова – важное свидетельство творческого процесса трансляции идей русского символизма как классического русского религиозного, философского и, конечно, в первую очередь поэтического движения в немецкую мысль начала 1930-х гг. Вяч. Иванов и в Москве, и уже обосновавшись в Риме, безусловно, желал видеть свои работы напечатанными в Германии, что было необходимо и с точки зрения известности в художественных и философских кругах, и не менее существенно с точки зрения материальной. По сути, речь шла о том, как, оказавшись в условиях существования за границей, Иванов мог бы продолжать свою деятельность, которую лучше всего определить одним из любимых выражений Шора, – «духовное режиссерство». С точки зрения Иванова и таких его преданных друзей, как Е.Д. Шор, его поэтическое и философское творчество стали бы необходимыми указателями пути Европы в ситуации европейского духовного кризиса 1920-х – начала 30-х гг.

Еще в 1924 г. Шор писал своей кузине, О.А. Шор, о желании своего знакомого немецкого издателя (очевидно, Вайбеля) издать перевод статьи Иванова о Достоевском.[1] Мысль о переводе «Русской Идеи» на немецкий язык возникла еще в 1925 г., см. письмо Вяч.И.

---

[1] Д. Сегал, Н. Сегал (Рудник). Начало эмиграции: переписка Е.Д. Шора с Ф.А. Степуном и Вячеславом Ивановым // Вячеслав Иванов и его время. Материалы VII Международного симпозиума. Вена 1998. – Peter Lang. Frankfurt am Main. Berlin. Bern. Bruxelles. New York. Oxford. Wien. 2003. С. 532

Иванова Е.Д. Шору от 11 июля 1925 г.[2] Шор, безмерно ценящий творчество Иванова, предлагает ему сделать не просто переводы нескольких статей, но разработать большую программу по внедрению в немецкое философское сознание идей главы школы русского религиозного символизма. В результате к 1928 г. создается следующий план переводов, состоящий из пяти книг, который определяется Шором в письме Иванову от 27 июля 1932 г. как «Достоевский. — Искусство и символ. — Судьба театра. — Преодоление индивидуализма. — Монографические эссе». Статья «О русской идее» – начало этого большого проекта, из которого были напечатаны в Германии до прихода к власти национал-социалистов лишь две первые книги, остальной план оказался невозможным для осуществления при новой власти.[3]

Каждая из пяти частей плана дополнялась и подробно обсуждалась в переписке. Так, в публикуемом письме Иванов предлагает включить в книгу о символе статью «Кручи. О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности», напечатанной впервые в 1919 г. и уже вышедшей в немецком переводе в 1922 г.[4] Однако проблема осознания природы духовного кризиса являлась по-прежнему одной из наиболее актуальных в Европе между двумя войнами, поэтому путь ее понимания и преодоления, предложенный Ивановым, мог восприниматься как один из наиболее оригинальных и актуальных. В «Кручах» речь идет о кризисе гуманизма как кризисе внутренней формы человеческого самосознания. Разрыв между этическим и эстетическим единством гуманистического изображения и понимания явления как нормы, устанавливающей природное достоинство человека, ведет к потере привычных ориентиров в мире вещей и явлений. С точки зрения Иванова, ни сущность современного искусства, ни жизнь человека и человечества в целом не окажутся в опасности, поскольку жизненная ценность религиозно-нравственных норм изменялась с каждой новой стадией культурно-исторического движения, от Лютера до вольнодумства XVIII в. и русского освободительного движения и проверялась только одним: душевными муками человека, застигнутого в минуту разлада с самим собой. Мировая душа, которая соотносится Ивановым с душой эллинства,

---

[2] Там же, с. 542.

[3] Вячеслав Иванов. Собрание сочинений. Т. 4 / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт, А.Б. Шишкина. – Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1987. - С. 759.

[4] Иванов. Кручи. Записки мечтателей. Петроград: Алконост, 1919; статья вышла в 1922 г. в переводе на немецкий язык (Wolfgang E. Groeger), см.: Klüfte : Über die Krisis des Humanismus ; Zur Morphologie der zeitgenössischen Kultur und der Psychologie der Gegenwart. Berlin : Skythen, [ca. 1922].

оставалась и остается при этом в своей первозданной тяге к восхождению по пути преодоления и очищения, который в новое время соотносится с христианством как способом отношения и установления связей с абсолютом. В этом суть религиозного феномена, с точки зрения Иванова, который есть не познание, а «завет». Этот «завет», по-новому осознанный в русской художественной и философско-религиозной мысли, в частности, в учении Достоевского о вине всякого перед всеми за всех и за все и об отсутствии грани, разделяющей человека от человека, в идее «вселенского дела» воскрешения отцов Федорова, связанного с преодолением индивидуации, и в проповеди всемирного богочеловечества и исповеданием веры в Великое Существо Вл. Соловьева. Связь всего человечества круговой порукой единой совести определяется Ивановым как новый способ создания мирового целого: современный человек нуждается в воссоединении как со своим народом, так и с миром в целом. Путь нового обретения внутренней формы существования и способа осознания внешнего мира, указанный Россией, постулируется Ивановым как путь обретения новых ритмов и путей свободы.

Таким же необходимым дополнением работы по трансляции идей Иванова в европейское духовное пространство могли бы стать и статьи Иванова о Скрябине, которыми он в письме предлагает дополнить немецкие переводы свода своих идей об искусстве и его роли в современности. Если в статье «Кручи» образ Скрябина возникает как пример разрыва современного гения с гуманизмом в музыке, как пример отщепенства от эстетического и этического музыкального канона, как «пэан неистовства и разрушения» в восприятии правоверного гуманиста, то в статьях о Скрябине композитор предстает выразителем духа русской революции. Написанное по заказу Вс. Мейерхольда исследование Иванова «”Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана», о котором также говорится как о дополнении к плану, представляло бы немецкому читателю ивановскую идею хорового действия как способа пути к Всеединству на классическом литературном - древнегреческом и русском – материале.

В результате осуществления плана Иванова – Шора в целом должен был создаться в восприятии немецкого читателя цельный образ современного классического русского поэта – провидца, которому ведомы и религиозный жар, и холодные философские рассуждения. При этом символистская основа творчества Иванова предполагает качественно иную трактовку в отличие от европейского представления о символизме как литературном течении (см. ниже). По сути, первым этапом на пути создания такого образа и должно было стать предисловие к «Русской идее», написанное Шором.

Черновой вариант предисловия был послан Евсеем Давидовичем как приложение к настоящему письму. Не считая нужным публиковать

его здесь полностью, т.к. он отличается лишь небольшим рядом мест от своего книжного варианта, я остановлюсь лишь на тех поправках Иванова, которые очень значительны в смысловом отношении, и опущу исправления, касающиеся биографических неточностей, и поправки грамматического и стилистического характера.

Первые же исправления в самом начале статьи свидетельствуют об усилиях, важных для формирования представления об Иванове как одном из властителей дум современной эпохи, столь связанной с событиями в России. Приведу фразу из черновика с исправлениями Иванова (соответствующие места в тексте Шора отмечены подчеркиванием, в тексте Иванова – курсивом) и окончательной редакцией. Шор пишет: «Wiatscheslaw Iwanowich Iwanow (Ivanov), geboren (вставка Иванова и окончательная редакция: *in Moskau*) 1866, hat seine Lehr- und Wanderjahre in Westeuropa zugebracht, wo er sich philosophischen und philologischen (Иванов меняет местами слова, что остается и в окончательной редакции: *philologischen* und *philosophischen*) Studien widmete. *Im Jahre 1906 kehrte er* (исправление Иванова: «1905», примета на полях: *Раньше я приезжал неоднократно в Россию на короткое время, а поселился в Петербурге в 1905*; в окончательном тексте – «Im Jahre 1905 kehrte er endgültig») nach Rußland zurück und liess sich St. Petersburg nieder. Bald war er in den dichterischen Kreisen als eine Autorität anerkannt, und sein Haus – der berühmte „Turm" auf der Ecke der Tawritscheskaja – wurde zum Mittelpunkt des künstlerischen Lebens der kaiserlichen Residenz. Seine "Mittwoche" waren zehn (Иванов исправляет: *mehrere*, в окончательном тексте: «waren Jahre hindurch») Jahre hindurch ein Sammelpunkt des geistigen Petersburg».[5]

С первой страницы немецкого издания «Русской идеи» перед взором читателя возникает, таким образом, фигура автора – «русского европейца». Этот аспект крайне важен, поскольку сразу дает понять, что автор «Русской идеи» – человек, не понаслышке знакомый с европейской культурой, «свой», т.е. европейский и даже «немецкий»: слова о годах учебы и путешествий немедленно должны напоминать о названии романа Гете и его образовательных идеях. Имя Гете дважды появится далее в статье в качестве одного из предшественников Иванова: Шор пишет, что Иванов как философ культуры продолжает ряд, ведущий от Плотина к Данте и от него к Гете, и называет Гете в числе тех художников – духовных предков Иванова, изучение которых позволило ему стать первооткрывателем и основателем трагического символизма как литературного и философского направления (Иванов к списку «Данте, Шекспир,

[5] E. Schor. Einleitung. In: Wiatscheslaw Iwanow. Die russische Idee / übersetzt und mit einer Einleitung versehen von J. Schor. Tübingen, Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1930. S. III.

Сервантес и Гете» добавит Новалиса, но сам же и вычеркнет это добавление). Очевидно, Иванов хотел еще более акцентировать аспект собственной принадлежности к немецкой культуре и свою тесную зависимость от Гете. Так, Шор пишет об основном различии между европейским и русским символизмом, которое заключается в разнице современного западноевропейского мировоззрения, основанного на позитивистском представлении о господстве науки и понятийно-рациональных воззрений, и глубокой укорененности русской мысли в религиозном сознании русского народа. Европейская образованность и понимание этой разницы мировоззрений соединяется у Иванова, пишет Шор, с верой в откровение мистического переживания и вызываемые им образы и связанные с ними притчи. Ссылаясь на VII письмо Платона, Шор пишет о высшей правде, заключенной в этих символических образах, и основанном на них способе художественного и философского творчества. Иванову, несомненно, пришлась по душе эта мысль Шора, основанная на платоновской идее высшей правды, которая должна была напомнить и о представлении Гете о „Wahrheit und Dichtung“. Отсюда понятно, почему в рукописи Шора появляется попытка исправить имя Плотина как своего предшественника на Платона (не отразившаяся в окончательном тексте, но получившая отражение в дальнейшей переписке, см. ответ Шора на публикуемое письмо Иванова[6]) и отчего Иванов добавляет на полях черновика Шора напротив слов: „in Begriffe nicht Fassbare (Platos Briefe VII)“ – «невыразимое в понятиях» –цитату из Гете: «Читателю вспоминается: „Denn eben wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein!» – «Фауст», часть первая, гл. «Рабочая комната Фауста»: «А когда не хватает понятий, на помощь всегда в нужное время приходит нужное слово».

Иванов подчеркивает, что он является прежде всего филологом, поэтом, а потом уже философом, что соответствует природе творчества русского художника. Так с самого начала вступительной статьи как бы «снимается» момент возможной непонятности немецкому читателю свойственного Иванову способа философского размышления, что многократно обсуждалось в переписке.

Столь же важной является возникающее в результате правки утверждение о том, что «Башенные» собрания продолжались «долгие годы». Это помогало создать впечатление, что «Башня» была средоточением духовной жизни императорской столицы в течение 1905 по 1917 г. Дата Октябрьской революции вместе с ее упоминанием

---

[6] Например, Иванов даже вычеркивает Плотина из ряда названных Шором его предшественников и заменяет его Платоном, что, не встретив поддержки со стороны Шора, не получает отражения в окончательном тексте вступления, см. письмо Шора Иванову от 24 января 1930 года: Иванов – Шор. Поготовка текста и комментарии Д. Сегал, Н. Сегал (Рудник) // Символ. № 53 – 54 (2008). Париж – Москва. С. 356.

возникает в конце вступительной статьи Шора в контексте правоты предвидений Иванова. Так немецкой публике преподносилась идея о том, что все чаяния России накануне страшных катаклизмов находили выражение в беседах и мистических откровениях поэтов, философов, художников и артистов, направляемых мудростью духовного режиссерства Иванова – хозяина «Башни». Интерес читателя к необыкновенному русскому поэту и философу, обладающему даром предвидения, должен был усиливаться, что было вполне актуально в условиях Германии и Европы начала 1930-х гг.

Следующая поправка отмечена уже не в тексте рукописи Шора, а в публикуемом письме Иванова, что связано с необходимостью подробного объяснения. Иванов обращает внимание на следующую фразу Шора: «Die russischen Symbolisten dagegen gehören zum Jahrhundert, in welchem die russische Dichtung überhaupt erst entstanden ist. Die westeuropäische Tradition, die sie in der Kunst und in dem geistigen Leben vorfanden, bedeutete für sie ein fremdes Gut, an dessen Überwindung sie ihre Geistesart und ihren dichterischen Stil erst bilden mußten». Иванов указывает Шору на необходимость изменений: «Вы пишете: «die russ.<ischen> Symbolisten dagegen gehören zum Jahrhundert, in welchem die russ. .<ische> Dichtung überhaupt erst entstanden ist». Русская поэзии «возникла» в XIX веке – в том смысле, в каком о немецкой можно сказать, что она возникла в XVIII в., – разумея в обоих случаях полный расцвет, «золотую эпоху»: Гете в Германии, Пушкин у нас. Но если под символистами Вы разумеете по преимуществу нашу группу (Блок, Белый, я), а не тех поэтов fin de siècle, которые следовали французским символистам и декадентам), другими словами, группу «второго призыва», а не «первого» – Бальмонт, Брюсов, Мережковский и др., из коих собственно символистами могли бы быть названы разве Мережковский и Сологуб), то едва ли точно отнесение этой нашей группы к XIX в. Ведь даже я, старший, издал свою первую книгу только в 1903 году. Значит, вместо («zu welchem – *зачеркнуто В. Ивановым, Н.С.-Р.)* «gehören zum Jahrhundert» было бы правильнее сказать: «sind in dem Jahrhundert geboren»; и вместо «in welchem die r. <ussische> Dichtung überhaupt erst entstanden ist» - например, так: «in welchem die r. <ussische> Dichtung mit Pushkin ihren Höhepunkt erreicht hat». Далее следует непонятная мне фраза: «die westeuropäische Tradition, die sie in der Kunst und in dem geistigen Leben vorfanden, bedeutete für sie ein fremdes Gut» usw. В русской литературе символисты не могли найти ein fremdes Gut, потому что она была глубоко самобытна и самостоятельна; как это давно признано повсюду, хотя, быть может, в каких-нибудь допотопных немецких Handbuch'ах и энциклопедиях еще и ныне можно вычитать, напр.<имер>, что Пушкин был русским перепевом Байрона. Если символисты (но кто же именно?) обратились к народной стихии мифа и верований, то сделали они это

вовсе не для того, чтобы какой-то fremdes Gut zu überwinden, а потому что эту дорогу указал искусству уже Пушкин, Достоевский же – философской и религиозной мысли».

За этим пассажем из письма, который я позволила себе здесь процитировать, стоит интенция Иванова показать самобытность русского религиозного символизма и его независимость от соответствующего европейского направления. Шор в рукописи вступительной статьи указывает на существующую между ними разницу и пишет о появлении европейского символизма в связи с реакцией на натуралистическое обеднение и позитивистское обмеление духовной жизни. Он говорит о повсеместном понимании символизма как углубления и усиления художественного переживания, как возможности утонченности и совершенствования чувственного созерцания и о восприятии нового направления прежде всего как реформы поэтического языка. Отличие между европейским и особенно французским символизмом и его русским воплощением в том, что если французский символизм – наследник многовековой культурной традиции, ее последний пышный цветок, является ничем иным, как спасением бегством от наступающего варварства и сумерек культуры в эксклюзивность и гордое одиночество, то русский символизм не испытал на себе влияния европейского fin de siècle.

Однако Иванову не достаточно такого объяснения. Он стремится, во-первых, к максимальной точности указания на родословную русского символизма и его самобытность. Несомненна здесь интенция Иванова доказать, что только русский религиозный символизм в лице Белого, Блока и его самого является подлинным символизмом. Все предшественники, за исключением Мережковского и Сологуба, объявляются так или иначе эпигонами французской поэзии эпохи модерна в то время, как подлинные символисты – прямые потомки развития самой русской литературы, наследники ее золотого века. Таким образом, наряду с характерным для русской литературы начала века акцентированием принадлежности к пушкинской линии развития русской литературы, Иванов заостряет в немецком переводе «Русской идеи» момент уникальности собственных взглядов и творчества. Предложенные Ивановым изменения вносятся в текст предисловия: «Die russischen Symbolisten dagegen sind in dem Jahrhundert geboren, in welchem die russische Dichtung mit Puschkin erst ihren Hauptpunkt erreicht hat. Ihre Wege waren durch die geistige Entwicklung Rußlands vorgezeichnet und sie blieben von dem Einflusse der westeuropäischen „fin de siècle“ unberuhrt“.[7]

Так формировалась позиция, предполагающая акцентирование особого качества русского символизма. Платоновско-гетевская идея

[7] E. Schor. Einleitung. S. V.

высшей правды творчества оказывалась в ней все более и более доминантной. Русский символизм возникает на основе поиска критерия правды и связанного с ним направления духовного пути. Творчество же подлинных русских символистов основывается на двойном переживании, переживании мистического опыта народа и некоего основного события рубежа веков. Поэтому, пишет Шор в рукописи, даже когда произошло затмение «духовного горизонта», и в русской поэзии появились настроения предчувствия грядущей катастрофы, русские символисты не оказались под властью гибельных предчувствий.

Но далее в черновом предисловии Шора следовала фраза, которая потребовала категорического вмешательства Иванова. Шор пишет о русских символистах, теперь уже исключительно имея в виду Иванова, Андрея Белого и Блока: «Sie warteten auf Tod und Auferstehung… – und nicht umsonst, glauben wir, war die prophetische Vision von Alexander Block, die in dem Schneegestöber der ausgebrochenen Revolution plötzlich die zarte Gestalt Christi erscheinen sah (“Die Zwölf“ (1917)». Вячеслав Иванов отмечает квадратными скобками весь пассаж после многоточия, относящийся к Блоку. В печатном тексте абзац заканчивается словом „Auferstehung“ – «воскресения». Иванов пишет по этому поводу в письме, резко и безапелляционно обозначая свою непримиримую позицию:

«Наконец, о Христе Блока. Я утверждаю Auferstehung <u>nach</u> (*подчеркнуто Ивановым – Н.С.-Р.*) dem Tode, Блок в «Двенадцати» утверждает Христа <u>в</u> революции. (Правда, этот проблематический Христос «в белом венчике из роз» нисколько не похож на Христа христиан). Столь резкое отрицание противопоставляю я символике Блока, которая представляется мне и ложною, и кощунственной. Между тем, говоря о духовной, эзотерической спаянности нашей новой группы символистов (что совершенно справедливо, несмотря на все бывшие внутри ея конфликты и противоположности), и иллюстрируя положения моей статьи о смерти и воскресении символом Блока, Вы невольно вызываете в читателе представление о нашем единодушии и в оценке наступившей революции. Это очень важно и ответственно; но именно с наступлением революции мы уже были друг другу духовно чужды, – прежняя община поэтов, узнававших друг друга, как Вы метко говорите, по некоей «ауре», – больше не существовала…».

Но и этого категорического заявления Иванову кажется недостаточно, и в посткриптуме к письму он добавляет: «После «Sie warteten auf Tod und Auferstehung» я бы остановился и дальнейшее («nicht umsonst … – erschienen sah») о Блоке непременно вычеркнул. Не забывайте, что «Двенадцать» суть «двенадцать» апостолов, идущих за «Христом»: это апостолы Лжехриста расстреливают «святую Русь». Блок утверждал, что большевизм и есть явление Христа… И мне

несказанно тяжело видеть свои идеи приводимыми в связь с революционными чаяниями Блока».

Как следует из поправок Иванова к черновому тексту предисловия Шора к немецкому переводу «Русской идеи», сделанных в рукописи и в публикуемом письме, его позиция в русской и европейской литературе ясно осознается им самим. В 1930 г. он считает себя единственным русским символистом, не изменившим своим прежним идеям и идеалам, художником и философом, идеи которого имеют глобальное значение. Эта позиция-призвание не предполагает никаких компромиссов и поблажек по отношению к кому бы то ни было и выражается совершенно определенно. Отсюда та поражающая ясность, более того, резкость, по отношению к бывшим товарищам. Она позволяет внести соответствующие коррективы, например, в существующие по сей день представления о возникающей с годами «мягкости» Иванова по отношению к Блоку.[8] Резкое заявление Иванова своего отношения к Блоку можно дополнить, параллелью с образом св. Христофора в статье «О русской идее». Иванов пишет: «С великим трудом, почти отчаиваясь в достижении, переходит он (Христофор –Н.С.-Р.) речной брод и выносит на берег младенца – Иисуса… Так и Росии грозит опасность изнемочь и потонуть».[9] Немецкий перевод, сделанный Шором, заканчивается, по просьбе Иванова, следующими словами: «Freilich wäre es (das Volk – Н.С.-Р.) dann auch kein Christophorus!»[10]

Иванов в немецком переводе «Русской идеи» и переписке вокруг него постоянно подчеркивает современную российскую и европейскую ситуацию как ситуацию испытания. В ней пребывают все, и народ, и те, кто им руководит, кто ведает его глубинные настроения, то есть прежде всего поэт. В письме Шору от 2 марта 1930 г. Иванов пишет еще более определенно: «Народ для меня священен, поскольку он – Церковь. Он «богоносец» лишь поскольку совпадает с церковью. Точнее, церковь в нем богоносец, а не он сам... Соблазнится большевистским безбожием, – значит, не Христофор: т.е. весь, в своем целом, а церковь свелась в нем к 7 праведникам, уже бессильным спасти Содом. Соль потеряла силу – ее выбрасывают вон…»[11]. Немецкому читателю «Русской идеи» предлагалось, таким образом, осознать ситуацию испытания как

---

[8] См. Статью Л.Д. Зубарева «К «Мы по-своему каждый свое ясновидели...». К истории «примирения» А. Блока и Вяч. Иванова» // Русская литература. № 1. 2011.С. 171 – 182.

[9] Иванов В. И. Родное и вселенское. –М.: Республика, 1994. С. 371.

[10] E. Schor. Einleitung. Ibid, s. 39.

[11] Н. Сегал (Рудник). Образ св. Христофора и его значение в творчестве Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов Между Святым писанием и поэзией. Europa Orientalis. XXI/ 2002:1. Università degli studi di Salerno. С. 320.

последнюю возможность спасения от существующего духовного кризиса в преддверие катастрофы нацизма – еще одно предвидение и предупреждение Иванова, к сожалению, не услышанное всеми в Германии и не оцененное по достоинству.

Université hébraïque de Jérusalem

***

Вячеслав Иванов – Евсею Шору[12]

Almo Collegio Borromeo
13.I.<19>30
Pavia

Дорогой Евсей Давидович,

Счастливого и богатого радостями жизни и творчества желаю Вам с женой нового года. Глубоко трогают меня постоянно-новые доказательства Вашей верной и доверительной дружбы. Благодарю Вас от души и за хлопоты с Зибеком, и за все доброе, что Вы говорите обо мне в предисловии переводчика к «Р.<усской> Идее». Ваш план издания моих Aufsätze[13] – грандиозен, я думал, что Вы (думаете – *зачеркнуто, Н.С.-Р.*) хотите ограничиться несколькими избранными. Быть может – и даже наверное – далеко не все заслуживает перевода; зато кое-что хотелось бы прибавить к статьям двух первых томов моих essays, – напр.<имер>, «Gogol und Aristophanes»,[14] – этюд, очень понравившийся в Цюрихе, – «die Klüfte – über die Krisis des Humanismus»,[15] и статьи о Скрябине (первая и самая большая из коих еще у меня в корректуре, и никогда не была издана, и книжку о символическом искусстве вообще)[16]. – Но о плане предполагаемого издания напишу потом и обстоятельно (в общем, Ваш проект распределения статей мне нравится); теперь же установим следующую

[12] НУБИ, Arc. 4◦ 1521, ед. хран. 78.

[13] Aufsätze (нем.) – здесь: статей. Имеется в виду составленный Е.Д. Шором совместно с Ивановым план издания немецкого перевода ряда его работ. Работа над планом велась с 1924 г.

[14] Статья Иванова «“Ревизор” Гоголя и комедия Аристофана» была написана по заказу В.Э. Мейерхольда и напечатана в выходящем под его эгидой журнале «Театральный Октябрь» в 1926 г. (сб. I). Здесь, скорее всего, речь идет об одобрении статьи в издательстве журнала «Corona» (публикация статьи в переводе на немецкий язык, осуществленным Бенно Лессеном, см.: «Gogol und Aristophanes». «Corona», Heft 5, München – Zürich, 1932 – 1933).

[15] Работа «Кручи – о кризисе гуманизма. *К морфологии современной культуры и психологии современности*» была впервые напечатана в «Записках мечтателей» (Петроград: «Алконост», 1919) вышла в 1922 г. в переводе на немецкий язык (Wolfgang E. Groeger), см.: Klüfte : Über die Krisis des Humanismus ; Zur Morphologie der zeitgenössischen Kultur und der Psychologie der Gegenwart. Berlin : Skythen, [ca. 1922].

[16] Имеются в виду статьи «Взгляд Скрябина на искусство» и «Скрябин и дух революции».

очень верную норму: Принимаясь за перевод какой-либо статьи или группы статей, Вы предварительно уведомляете меня, что у Вас на очереди то-то и то-то; получив это уведомление, я немедленно перечитываю указанные Вами статьи и вношу в них по-русски необходимые изменения (сокращения (и – *зачеркнуто – Н.С.-Р.)*, дополнения, частичные переформулировки) – и тогда только Вы начинаете перевод. Ибо все затруднения и задержки проистекают от моего несогласия (порой очень существенного) с прежней редакцией, с которой был сделан перевод. Это обстоятельство объясняет и задержку статьи «Ницше и Дионис»: перевод Ваш меня совершенно удовлетворяет, но статья, очень давняя, одна из первых, напечатанных мною в «Весах»,[17] являет много (устранимых, впрочем) недостатков: местами невыносима сентиментальная риторика, местами изложение основной, правильной мысли неточно, сбивчиво, расплывчато. Так же трудности встретил я и в (Границах искусства – *зачеркнуто В.Ивановым, Н.С.-Р.*) «Ты еси», и даже во II-ой части Достоевского (особенно в характеристике Кириллова)[18], и даже в строгом этюде «Границы искусства», где, теперь, нужно выкинуть все, относящееся к современным автору русским символистам; ибо эти «актуальности» нарушают теоретический стиль изложения. Думаю, что 3-ья часть Достоевского не представляет трудностей этого рода. Итак, еще раз: все мои перемены, за редкими или несущественными исключениями относятся не к переводам, а к оригиналам. Прибавлю два слова о предисловии переводчика. Помимо двух-трех чисто фактических поправок я не считаю себя в праве навязывать Вам какие-либо изменения, но так как Вы желаете знать мое мнение о нем, скажу, что в целом, на мой взгляд, оно написано с литературным тактом, в некоторых же частностях вызывает возражения. Вы пишете: «die russ.<ischen> Symbolisten dagegen gehören zum Jahrhundert, in welchem die russ. .<ische> Dichtung überhaupt erst entstanden ist». Русская поэзии «возникла» в XIX веке – в том смысле, в каком о немецкой можно сказать, что она возникла в XVIII в., – разумея в обоих случаях полный расцвет, «золотую эпоху»: Гете в Германии, Пушкин у нас. Но если под символистами Вы разумеете по преимуществу нашу группу (Блок, Белый, я), а не тех поэтов fin de siècle, которые следовали французским

[17] Статья «Ницше и Дионис» впервые была напечатана в журнале «Весы», М., 1904. № 5.

[18] Имеется в виду, очевидно, краткая характеристика Кириллова во второй части работы «Достоевский и роман – трагедия» «Принцип миросозерцания»: «Тогда, подобно Кириллову в "Бесах", – единственно достойное меня дело есть убить самого себя и с собою убить весь содержимый мною мир» (Вячеслав Иванов. Собрание сочинений. Т. 4 / под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт, А.Б. Шишкина. – Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1987 с. 421).

символистам и декадентам) другими словами, группу «второго призыва», а не «первого» – Бальмонт, Брюсов, Мережковский и др., из коих собственно символистами могли бы быть названы разве Мережковский и Сологуб), то едва ли точно отнесение этой нашей группы к XIX в. Ведь даже я, старший, издал свою первую книгу только в 1903 году. Значит, вместо («zu welchem – *зачеркнуто В. Ивановым, Н.С.-Р.)* «gehören zum Jahrhundert» было бы правильнее сказать: «sind in dem Jahrhundert geboren»; и вместо «in welchem die r. <ussische> Dichtung überhaupt erst entstanden ist» - например, так: «in welchem die r. <ussische> Dichtung mit Pushkin ihren Höhepunkt erreicht hat». Далее следует непонятная мне фраза: «die westeuropäische Tradition, die sie in der Kunst und in dem geistigen Leben vorfanden, bedeutete für sie ein fremdes Gut» usw. В русской литературе символисты не могли найти ein fremdes Gut, потому что она была глубоко самобытна и самостоятельна; как это давно признано повсюду, хотя, быть может, в каких-нибудь допотопных немецких Handbuch'ах и энциклопедиях еще и ныне можно вычитать, напр.<имер>, что Пушкин был русским перепевом Байрона. Если символисты (но кто же именно?) обратились к народной стихии мифа и верований, то сделали они это вовсе не для того, чтобы какой-то fremdes Gut zu überwinden, а потому что эту дорогу указал искусству уже Пушкин, Достоевский же – философской и религиозной мысли. Наконец, о Христе Блока. Я утверждаю Auferstehung nach (*подчеркнуто Ивановым – Н.С.-Р.*) dem Tode, Блок в «Двенадцати» утверждает Христа в революции. (Правда, этот проблематический Христос «в белом венчике из роз» нисколько не похож на Христа христиан). Столь резкое отрицание противопоставляю я символике Блока, которая представляется мне и ложною, и кощунственной. Между тем, говоря о духовной, эзотерической спаянности нашей новой группы символистов (что совершенно справедливо, несмотря на все бывшие внутри ея конфликты и противоположности), и иллюстрируя положения моей статьи о смерти и воскресении символом Блока, Вы невольно вызываете в читателе представление о нашем единодушии и в оценке наступившей революции. Это очень важно и ответственно; но именно с наступлением революции мы уже были друг другу духовно чужды, – прежняя община поэтов, узнававших друг друга, как Вы метко говорите, по некоей «ауре», – больше не существовала…

Еще раз сердечно благодарю Вас и заочно Вас обнимаю.

Ваш Вяч. Иванов.

Текст предисловия и контракт высылаю под (*sic! – Н.С.-Р.*) заказной бандеролью.

[*Дальнейшее – на отдельном полулисте – Н.С.-Р.*]

Зачем Зибек так скупится на бумагу. Книжка вышла бы гораздо изящнее, если бы каждая из 4 ея глав начиналась с новой страницы.

Очень не нравится мне также, что Ваше предисловие (отзыв обо мне) набрано тем же шрифтом, что и текст статьи. Это типографская ошибка вкуса.

Почему Вы пишете себя I. (даже не J.) Schor, Ведь Вы хотите сохранить орфографию Jewsej – с J? Дорогой друг, послушайтесь меня, зовитесь в литературе Eusebius – очаровательное имя, любимое романтиками, единственно удобное для произнесения на Западе.

Простите меня за неуступчивость и любите по-прежнему, как я Вас.

Ваш Вяч. Иванов.

2) После Ваших слов: «Sie blieben unberührt vom Einflüsse der westeuropäischen Fin-de-siècle-Dichtung», я бы вставил примерно: «der die Richtung (der vorsymbolistischen – *зачеркнуто, Н.С.-Р.*) ihrer Vorgänger = Modernisten in den 90er Jahren gefarbt (bedingt – *написано сверху, Н.С.-Р.*) hat».

3) После «Sie warteten auf Tod und Auferstehung» я бы остановился и дальнейшее («nicht umsonst … - erschienen sah») о Блоке непременно вычеркнуть. Не забывайте, что «Двенадцать» суть «двенадцать» апостолов, идущих за «Христом»: это апостолы Лжехриста расстреливают «святую Русь». Блок утверждал, что большевизм и есть явление Христа… И мне несказанно тяжело видеть свои идеи приводимыми в связь с революционными чаяниями Блока.

[*Приписка О.А. Шор – Дешарт – Н.С.-Р.*]

Еще и еще поздравляю Тебя, дорогой Юшенька, и Надю с наступившим Новолетием и желаю радости и света на пути Вашем.

Крепко целую.

Твоя Оля.

[*Приписка В.Иванова – Н.С.-Р.*]

Сердечный привет и поздравления от Лидии, которая теперь в Павии.

ВИ